

Таким образом, создалось на Дальнем Востоке напряженное положение.

Чем этот конфликт закончится — предсказать трудно. Скорее всего будет, так сказать, локализован.

Японцы достигли своего — престиж свой спасли, дали публичную пощечину СССР. Для этого последнего проглотить оскорбление, когда это ему выгодно, ничего не стоит.

Одно ясно: если СССР был бы хоть чуточку уверен в победе над Японией, то большевики уже давно объявили бы войну Японии — поводов для нее, при неопределенности и запутанности положения, можно найти всегда. Но красные, учитывая разруху всей внутренней жизни СССР, наличие неисчислимого количества внутренних «фашистских псов» и опасное настроение всего населения, не были уверены в победном исходе столкновения с Японией, а потому натягивали на себя не приставшую им тогу миролюбцев, на словах угрожая своей «непобедимой Красной Армией».

Но китайская кампания несомненно создав большие затруднения Японии, перед большевиками поставила большой соблазн —

испробовать настроение японцев, может удастся таким путем поднять подмоченную репутацию во вне.

И они моментально нашли предлог, нашли «русский» холм Чанг-Ку-Фенг и демонстративно его заняли. Расчет был простой: промолчат японцы, значит, дела у них плохи, значит, большевики могут дешево поднять свой престиж во вне. А там можно сделать и следующий шаг.

Но японцы не промолчали. Дали оглушительную пощечину.

Каждый день большевики кричат, что они никому не уступят ни пяди своей земли. И теперь, после конфликта с Японией, по всему СССР поднята «волна народного возмущения», выносятся резолюции с требованием не уступать русской территории.

А вот японцы с позором прогнали советчиков с «русского» холма Чанг-Ку-Фенг.

Как теперь они поступят?

Вероятнее всего — спокойно утрутся...

Это будет служить новым и бесспорным свидетельством о полном внутреннем развале СССР, о полном его бессилии в военном отношении.

Нас это ни в какой мере не опечалит.

III. Глупость и преступления Билого

По поводу ареста Билого и других казаков в Белграде в феврале месяце с. г., и разных фантастических слухов, связанных с этим арестом, мы намеренно до сих пор молчали. В самом начале, в мартовском номере нашего журнала, мы высказали свой принципиальный взгляд: в связь Билого с большевиками не верим; доносы казаков на своего же казака чужим властям считаем преступлением; и несмотря на наше самое отрицательное отношение к личности Билого, мы пожелали ему самое скорое избавление из того скверного положения, в которое он, по нашему, попал по своей собственной вине.

Затем ни на какие слухи, в связи с этим «делом» не реагировали, на все вопросы, которые нам задавали по этому «делу», не отвечали. Мы ждали правды, которую обещал сказать сам Билый.

Теперь он об этой «правде» нам поведал в двух последних номерах своего журнала (№№ 245 и 246). От этой «правды» стало нам тошно. Если отделить факты, как они изложены самим Билым, от его предположений и догадок, то получается позорная картина.

Он старается нарисовать страшную трагедию, но получается фарс, пытается выставить себя великим страдальцем «за Казачье Дело», а выходит сплошная глупость.

«То, что произошло потом с некоторыми в казаками и со мною, особенно со мною, так невероятно, так дико, настолько все было трагическим» (подчеркнуто всюду Билым), — повествует он.

А из дальнейшего его же изложения обнаруживается, что было всего на всего то, что бывает у всех полиций всех государств: кто-то донес*) полиции, что Билый, сообщая с другими, собирается вывести из Югосла-

*) Даже без всякого доноса, в Югославии Билый должен был быть задержан и подвергнут допросу, ибо он формально является нарушителем югославских законов: уже много лет назад его журнал «ВК» запрещен в Югославии специальным приказом министерства внутренних дел. Но Билый этот запрещенный журнал вкладывает в иную обложку и этой, с точки зрения югославских властей, нелегальной литературой снабжает людей, живущих в Югославии.

Когда он ехал туда, он должен был это помнить и принять соответствующие меры к ограждению себя и своих людей от неприятностей.

вни кубанские регалии, чтобы затем передать их... большевикам, что для этого он приехал в Югославию и не прописался в полиции (нарушение закона!); также кто-то донес (по догадке Билого, Федоров-Саломехин-Кудинов), что Билый находится в связи с большевиками, что он — «агент энной державы»...

Человек, на которого в полиции имелись такие доносы, приехал в Белград, живет там несколько дней, встречается с казаками, не является в полицию (о своей неявке в полицию говорит сам Билый, когда пишет: «Знала ли полиция, где я?—По моему, знала». Значит, он не являлся к ней. Ред.). Естественно, полиция арестовала его, а за одно с ним и тех, с кем он вел переговоры.

Об аресте своего Окружного Атамана и Окружного Писаря Билый узнал «около 3-х часов дня» 4 февраля. Его самого арестовали около 7-ми часов вечера («было уже темно»). Таким образом, в его распоряжении было целых четыре часа свободного времени. Подумал ли он за это время о судьбе своих ближайших помощников, арестованных полицией? Пошел ли он к адвокату, чтобы тот заступился за его помощников?

Нет, не думал! Он в этот момент думал только о самом себе! И думал плохо: бегал растерянно по Белградским улицам и ездил от одного казака к другому — узнавать новости, да укладывал свои чемоданы!

Кто знает, если бы он в этот момент подумал о судьбе своих ближних и обратился бы немедленно к адвокату, то, быть может, и совсем не было бы той комической «трагедии», о которой он теперь с таким смаком рассказывает?

— Первым делом в полиции «г. Космаяц тычет мне какую то бумагу на подпись». — «Подписываю. Думаю: акт об аресте и запись найденных у меня денег», — повествует Билый. Факт: до него еще никто не дотрагивался, а он настолько растерялся, что не читая подписывает бумагу, иначе говоря, готов немедленно предать своих друзей!

Самым «трагическим» днем был следующий день, 5 февраля. Если верить писанию Билого, в этот день его страшно били. Вот как он описывает эту картину «пытки»:

— «Размахивается и бьет в правое ухо. Потом левой рукой — в правое. Снова левой в правое, а правой в левое... И так — третий раз, четвертый, пятый... Отступает и боксерским ударом (кулака) — в сердце, потом в печень... Раз в сердце, два — в печень. Раз — в сердце, два — в пе-

чень».. Так с утра до вечера — «Бьет ладонями по щекам правой - левой, правой - левой, правой - левой... Потом — снова бокс: в сердце, в печень, в сердце, в печень»..

Здоровый и опытный полицейский с утра до вечера «боксерует» его в сердце и печень, а Билый, как могучий дуб, стоит и рычит: ничего не добьешься!

Так, по крайней мере, описывает сам Билый.*).

Мы поверим Билому. Да, жестокие люди сидят в полиции. Допрос под «3-им градусом» дело — очень неприятное. Но все же отметим удивительный факт, по описанию самого Билого: вчера, 4-го февраля, он охотно подписывает, не читая, «признание», составленное тем же полицейским, а сегодня, 5-го февраля, полицейские, вчера получившие от Билого признание без всякого давления, со страшными пытками добиваются его от него.

Отсюда можно сделать только один вывод или в Белградской полиции сидят дураки и садисты, или же Билый говорит «правду».

После единственного дня, 5-го февраля, когда его били, и, вплоть до дня освобождения, 10 марта, по признанию самого Билого, никто до него не дотрагивался, никто не бил, не пытал. Все «страшное» заключалось в том, что в камере, где он сидел: «голые, грязные стены, грязный, пыльный пол». (Полицейские не догадались поставить туда мягкий, бархатный диван). Раз или два «заставили меня выносить парашу и мыть пол в ее помещении»... (согласен: для «Походного Атамана» выносить парашу не очень пристало, но для арестованного это совершенно нормальное явление в любом государстве). Только изредка г. Космаяц угрожал ему: ты умрешь здесь, ты отсюда живым не выйдешь.

Достаточно было г. Космаяцу эту фразу

* О «мужестве» и «силе» Билого может свидетельствовать следующий факт: когда в 1928 году, на заседании Центрального Комитета ВК, И. И. Колесов дал Билому только легкую пощечину за его ложь и другие «художества», то Билый не только стоял, как дуб, но в мгновение ока согнулся в три погибели, горько расплакался и чуть не потерял сознание. Всем нам пришлось его утешать, чтобы не плакат, а генералу Быкадорову схватиться с Колесовым.

Это было десять лет тому назад, когда он был моложе, сильнее.

А, вот, теперь с ним произошло «чудо»: здоровенный и опытный полицейский с утра до вечера лупит его кулаком «в сердце - печень», а он стоит не шелохнувшись и гордо отвечает: ничего!

произнести, как наш «герой» моментально решает: «Итак — смертник... Вот пришла и моя очередь»... И тут же жалкое бахвальство: умру «за Казачье Дело... Казакам останутся 237 номеров журнала. Главное уже там сказано»... И он «мужественно» ищет в каземате какойнибудь предмет, чем можно было бы «покончить с собою» раньше, чем будет кончатся со мною Космаяц», но ничего не находит!

Прямо «герой!»

Кого он хочет обмануть — мы не можем понять. Мы допускаем, что югославская полиция (как и всякая другая полиция) арестованных бьет, но ведь Югославия — правовое государство, там право человека ограждено законом, там не хватают людей на улице и не кончают в подвалах без всякого суда, как в СССР. Это отлично известно не только Билому, но и всякому мало-мальски грамотному человеку. А вот, он пытается кого-то убедить, что Космаяц решил его убить в подвале полиции и что он серьезно готовился к смерти.

Что, по привычке, много жмет Билый видно хотя бы из того, что человек, приготовившийся к смерти и с нею примирившийся, не может делать ничего такого, что может его память «опоганить», как он пишет. Между тем, уже на третий день своего ареста, 6-го февраля, Билый, без всяких физических принуждений со стороны полиции, сидит и пишет свое «признание» собственноручно. Ушли все, остался один мирный чиновник, а Билый сидит и пишет: «пишу весьма медленно, с трудом владея нервами»... Никто его не пытается, но он сидит целый день и пишет, пишет весь другой день, 7-го, пишет и весь третий день, 8-го февраля.

О чем же он писал все эти три дня? По словам представителя страны-покровительницы его (см. сообщение ниже нашего белградского собкор'а), писал до мельчайших подробностей о том: от кого, с самого начала, получает деньги, сколько, в какое время и через кого, кому сколько давал, сколько дает теперь. Словом, предавал всех — и покровителей и своих ближайших сотрудников! И все это без всяких побоев, сидя мирно и тихо.

После 8-го вплоть до 24-го февраля его оставили в полном покое, никто его не беспокоил в его камере. А он такой смелый и гордый, все повторял «вот пришла моя очередь!» Умираю «за Казачье Дело!» Он такой «волевой», что все это время в рот ничего не берет, решает, «что хлеба ихнего есть не

буду!» А отпускаемыми ему хлебами откупался от мышей, «накладывая целые горки хлеба перед их дырками»...

Словом, не человек, а сталь, воплощение благородства, мужества! Так он сам похваляется.

Вместе с тем, он такой «проницательный», что стоит Губареву задать ему вопрос «Вы социал-демократом были?», как Билому «молнией» ударило в голову: кудиновская прокламация! Или стоит Губареву заявить Билому, что «Ваша работа, Ваше ВК — это только прикрытия ваших личных корыстных целей», — как он моментально догадывается — «работа наших оппозиционеров!» Или скажет следователь какуюнибудь фразу, а Билый сразу «Саломахино-Федоровский донос!»

Итак до 24 февраля Билого оставили в покое и он «мужественно» готовился к «смерти». В этот день его вызывают на допрос и спрашивают о разных вещах — о его встрече с Крикуном и т. д. Допрос спокойный, мирный, без всяких принуждений.

26-го февраля его вновь вызывают и предлагают подписать какие-то бумаги. На его вопрос — «что это?» получает ответ — «Показание. Пиши!» И Билый снова, не читая, подписывает предлагаемое «показание», потому что г. Космаяц «бьет хлыстом по столу».

Ну, разве это не смешно! Человек, так «мужественно» приготовившийся к смерти, не читая подписывает бумаги, кем-то, где-то написанные, лишь потому, что в руках следователя был хлыст!

И как жалко звучит его оправдание: «все равно никто не поверит... Никто же не поверит, чтобы кто-либо добровольно подписал сам себе смертный приговор!»

— «Подписываю. Снимает первую страницу. Подписывай вторую! Потом — третью, четвертую... Не помню — семь или восемь страниц. Потом в таком же порядке копии: первая, вторая... — Тоже не помню, четыре или пять»...

И как только он себе подписал «смертный приговор», на другой день, 27 февраля, к нему отношение властей радикально изменилось. С этого времени к нему стали все очень предупредительны, вежливы, стали хорошо кормить, каждое утро вежливо спрашивать: «что я хочу сегодня на обед, что на ужин?» «Потом начали приносить и пирожное». Никаких допросов. И так до самого дня освобождения, 16 марта. Билый уже понял, что за него заступились влиятельные круги, что

с ним уже ничего не сделают. И тем не менее, когда, чуть ли не накануне освобождения, его вызвал следователь и предложил подписать очень вежливо какую то бумагу, у Билого не хватило смелости — спросить что это такое и он, по привычке, снова подписал ее, не читая. И тут же оправдывается: «Я поверил. Подписал», потому-де, предлагавший подписать чиновник был вежлив к нему...

Итак, отбросив все слухи и предположения, мы, пользуясь исключительно собственным писанием Билого, выделили факты от его глупых разсуждений и догадок. Получается позорная картина. Во всем этом писании глупость на глупости сидит и глупостью погоняет.

Нас совсем не удивляет, что такой человек именуется себя казачьим вождем (зот и Вонсяцкий называет себя Всероссийским вождем!), но нас удивляет то, что есть казаки, имеющие на плечах голову, которые тоже считают, что Билый — единственно достойный человек в Казачестве!

Если бы Билый делал только глупости, нас это мало занимало бы. Но сплошь и рядом он делает и преступление.

В день 4 февраля, когда его помощники были арестованы, он думал только о себе. Все время своего сидения в тюрьме, он также думал только о собственной своей персоне, ни о ком больше. И выйдя из тюрьмы он также думает только о самом себе.

Чтобы как нибудь исправить свою белградскую глупость, чтобы как нибудь оправ-

дать себя перед своими покровителями, он фантазирует и печатно клеветает на правительство страны, где живут тысячи казаков, судьба коих находится в руках этого правительства.

Он вырвался из Югославии, ему теперь ничего не сделают, на все остальное он наплевал. Теперь ограждая себя перед своими покровителями, он хладнокровно и сознательно топит своих ближайших помощников-казаков, живущих в Югославии.

Если югославская полиция действительно есть такое пыточное место, каким ее пытается нарисовать Билый, то он своим писанием прямо толкает в пасть этого чудовища своих казаков. Если же он клеветает (а это так и есть!) на белградскую полицию и провоцирует других, живущих в Белграде, тоже клеветать, то совершенно естественно, что полиция должна этих последних притянуть к ответу.

Так именно и случилось: после напечатания Билым своих «статей» в «ВК» с нападки на белградскую полицию, там снова арестовали казаков, упомянутых Билым. Также естественно, что теперь они так легко не отделаются: клевета на власть даром не проходит.

Билый сознательно толкнул своих ближайших сотрудников на муки и страдание.

Он был труслив, как заяц, шкодлив, как кошка. Таким и остался.

Был он предателем, им и останется всегда.

ІУ. Атаман избран!

Последние шесть месяцев донские казаки, в эмиграции пребывающие, находились в состоянии некоторой тревоги, опасения. Шла предвыборная кампания, в которой иногда переходили границы, затем состоялись выборы и, наконец, ожидание — кто же избран, чем закончились выборы?

К сожалению, выборы происходили в очень неблагоприятных условиях. Старый Атаман ген. Граббе занял совершенно непонятную позицию и возымел желание остаться на новый срок без выборов. Отсюда началась довольно резкая кампания, часто спорами совершенно недопустимыми.

Теперь выборы состоялись. Всенародным, свободным голосованием атаманом на новый срок избран достойный казак, ген. от кавалерии П. Х. ПОПОВ.

Мы его от души приветствуем и желаем ему здоровья и плодотворной работы.

К сожалению, донцы не избавлены этими состоявшимися выборами от «удовольствия» иметь двух Атаманов. Граф Граббе упорствует и, несмотря на ясно выраженную свободную волю двух с половиной тысяч живых донцов, он пренебрегает их волей и желает оставаться бессменным Атаманом без выборов. 6-го августа он устраивает сампровозглашение.

Естественно, избранный Атаман, ген. П. Х. Попов, не может пренебречь так ясно выраженной волей своих донцов и он займет пост законного Донского Атамана.

Таким образом, мы будем иметь двух Атаманов: одного **сампровозглашенного** и